

Олейников Антон

ЛУННЫЙ МЕЧ

16+

Антон Олейников

Лунный меч

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Олейников А.

Лунный меч / А. Олейников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Изгнание призраков, снятие проклятий, охота на монстров, розыск убийц, одержимых Тьмой, – чем только ловчие ни занимаются! Задания, достаемые им, бывают лёгкими, сложными и просто невыполнимыми. Именно такая смертельно опасная работёнка и подвернулась Малику Беспалому в очередной раз. Однако не в его правилах отказывать тем, кто сумел его разыскать. И если уж насквозь провонявший рыбой трактир в маленьком промысловом посёлке оказался недостаточно надёжным убежищем, то, как видно, придётся ему на время оставить роль беспробудного пьяницы и снова облачиться в свой знаменитый шерстяной плащ.

1

Малик проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Несильно, но настойчиво. Так бывает, если тебя бояться, но в силу тех или иных причин не могут оставить в покое. Дабы избежать неопределённости в такие моменты, Малик давным-давно ввёл для себя правило платить за выпивку «вперёд», и потому точно знал, что означает эта тряска: его хотят нанять.

– Отвали! – зло огрызнулся ловчий и отдёргнул плечо, постаравшись ещё сильнее закутаться в свой плащ. Это помогло, но совсем ненадолго: то ли голос спросонья прозвучал недостаточно грозно, то ли речь с похмелья вышла слишком неразборчивой, но тряска вскоре возобновилась, дополнившись тихими причитаниями:

– Господин, прошу Вас, проснитесь! Нам очень нужно с Вами поговорить!

«Нам, значит – час от часу не легче... Ну а мне нужно поспать ещё пару часов, потом снова напиться и снова уснуть – как жаль, что наши желания так сильно не совпадают!» – этот достаточно остроумный, но непозволительно длинный ответ Малик оставил при себе, а сам приготовился послать непрошенных гостей куда подальше, подкрепив на сей раз пожелание парой матерных слов. Но тут, к большому своему сожалению, ловчий понял, что это уже не имеет смысла: стараниями пришлых негодяев сон с него как рукой сняло, и голова в мгновение ока раскалилась от наполнивших её мыслей, словно походный котелок на костре. Нужно было срочно погасить пламя!

– Ослепнуть вам всем навеки! – проворчал Малик, смирившись с неизбежным, и медленно, даже немного неуклюже, поменял лежачее положение на сидячее. Как он и думал, спина тут же поспешила отомстить ему за ночь, проведённую на деревянной лавке, острым уколом в поясницу, и, надо признать, она имела на это право. Ведь на втором этаже постоялого двора ловчего ждала вполне себе мягкая и удобная кровать, но это же так далеко от выпивки...

– Чего вам надо? – спросил Малик, обведя мутным взглядом компанию в грязных дорожных плащах, следившую за ним четырьмя... да, четырьмя парами глаз. Седой старик, рыжий детина, подозрительно похожий на него мальчишка лет двенадцати и совершенно лысый, щуплый мужичок с тростью в руке – посланцы Судьбы, не иначе.

– Вы Малик Беспалый?

Ловчий едва не взвыл от досады. Выходит, они уже точно знают, кто он, возможно, даже специально искали именно его, а значит, отделаться от них будет непросто.

– Нет, – тем не менее, солгал он – просто на всякий случай – и, учуяв противный рыбный запах, поспешил отыскать глазами его источник – хозяина таверны, с усердием начищавшего столы накануне открытия.

– Но, господин, нам сказали, что это Вы! – заспорил старик, не заметив подвоха. – К тому же Ваш плащ...

– И пальцы! – подхватил мальчишка и торжествующе указал своим, пока ещё целым перстом, на известное увечье – отсутствие обоих мизинцев, из-за которого ловчий и получил своё прозвище.

– Дирк, налей мне кружку, – попросил в свою очередь Малик, пропустив глупые доводы приезжих мимо ушей. – И поесть чего-нибудь захвати.

Хозяин вопросительно выгнул бровь и мотнул головой в сторону открытого окна, через которое в таверну только начинал проникать солнечный свет.

– Ну я же не виноват, – попытался оправдаться Малик. – Меня разбудили.

Дирк что-то буркнул себе под нос, но больше спорить не стал и вскоре поставил на стол перед ловчим кружку пива и тарелку с двумя зажаренными карасями.

– Послушайте! Мы проделали долгий путь! – воскликнул вдруг старик, когда хозяин удалился. – Мы родом из Большой Речки, что к северу отсюда.

В ответ Малик лишь безразлично пожал плечами и, сдув с пива тонкий слой пены, принался за свой завтрак. Название деревни ни о чём ему не говорило: она могла в равной степени

обнаружиться как в нескольких милях от Бездонных озёр, где он сейчас находился, так и по другую сторону Гневного моря.

– Нам очень нужна Ваша помощь, господин: наш урожай погиб, новые посевы не всходят и вскоре всех нас ждёт голод, если только...

– Я не агроном, – перебил старика Малик, сделав перерыв между двумя глотками.

– Это точно! – подал голос похожий на буйвола здоровяк, до этого лишь бросавший на ловчего гневные взгляды.

Как ни странно, именно его презрение, ясно различимое в этой короткой фразе, заставило Малика вспомнить про наблюдательность и цепкий ум, дарованные ему от рождения. Одно то, что неурожайный год и возможный голод вызвали у крестьян такой ужас, что они сразу обратились за помощью к ловчему, уже говорило о многом. Например, о том, что смута, охватившая Империю, до сих пор каким-то чудом их не коснулась. Не так уж много баронств за десятилетия войн и мятежей избежали разорения, ещё меньше в последние годы пользовались особым покровительством короны, а только это позволило бы крестьянам сохранить ту пару мулов, которую Малик видел сейчас из окна запряжённой в большую телегу. Огненный цвет волос и необычный выговор с нажимом на букву «о» ещё больше сокращали этот список. Всего пять или шесть возможных вариантов, и Малик выбрал ближайший из них.

– Почему бы вам не попросить помощи у барона Тари, правителя Остенграда? Его милость славится своей добротой и ни за что не оставит в беде верных подданных.

После этого на короткое время в таверне воцарилась воцарилась тишина, нарушаемая лишь сопением рыжего буйвола.

– Но мы же не говорили, откуда именно прибыли к Вам, – заметил наконец старик, не скрывая удивления, из чего Малик заключил, что попал прямо в точку.

– Кто «мы»? Ни один из вас не похож на деревенского старосту. Может, не так уж вам и нужна помощь, раз сам он не явился...

– Нет, господин, что Вы! Поверьте, если бы только он у нас был... Но прежнего старосту раздавила рухнувшая во время пожара крыша семь дней назад...

– Пожара? В доме? – уточнил Малик, невольно всё больше втягиваясь в разговор, но не забывая при этом бороться с жаждой на опережение.

– Нет, в хлеву, господин. Половина нашего скота погибла той ночью, а место старосты опустело за год во второй раз, так что никто теперь не спешит занять его место.

На это Малик не нашёл, что сказать, но отметил про себя, что чёрная полоса в жизни этих людей и правда стала выглядеть угрожающе. Заодно он обнаружил, что его кружка внезапно опустела, и сделал знак Дирку налить ещё.

– Пожар не просто так случился! – подал голос здоровяк и с хрустом сжал в кулак правую руку. – Это всё проклятые чернопольцы, чтоб им пусто было! Эти гады давно нам завидуют! Бьюсь об заклад, что и урожай – тоже их рук дело! – и, сказав это, он потряс кулачищем в воздухе – в опасной близости от головы лысого мужичка, едва достававшего ему до плеча.

– Тем более вам нужно обратиться к барону и всё ему рассказать, – вновь ухватился Малик за спасительную мысль. – Подобными дрязгами я тоже не занимаюсь.

– Его милость умер две больших луны тому назад, – с горечью и сожалением поделился старик новостью, известной, похоже, всем, кроме ловчего, всё лето проводившего на юге. – Наш истинный господин слёг после купания и больше уже не поднялся. Так что теперь в Остенграде очень молодой барон, да здравствует он на многие лета, а пока за него правит мать, глухая к чужим бедам и горестям.

«А вот это уже перебор!»

– Свет согревает, Свет и ослепляет, – только и смог вымолвить Малик, подняв принесённую кружку и вознамерившись использовать сказанное как тост.

– Истинно говоришь, ловчий, – истинно! – подхватил вдруг лысый с таким жаром, что Малик даже отнял кружку от губ, так и не сделав ни одного глотка. Очень уж досадным ему показалось то обстоятельство, что он сразу не признал проповедника. – Всё в мире есть борьба Света и Тени, а горести наши – лишь испытание веры и силы духа, и должны мы с благодарностью принять сей прискорбный дар, ибо сказано...

– Да ни при чём тут ваш Свет! – выкрикнул вдруг рыжий паренёк, довольно грубо прервав начавшуюся проповедь. – Всё это случилось потому, что Дух Белой Скалы разгневался на нас!

– Джуд! Следи за своим языком! – прикрикнул на наглеца старик и потом вновь обратился к ловчему: – Однако этот юноша прав, господин! Испокон веку беды обходили Большую Речку стороной, и всё благодаря нашему великому заступнику и покровителю – могучему Духу гор, что пришёл в этот мир...

– О, нет! Во имя Света! – вполголоса простонал Малик и приложил к виску ещё холодную кружку в тщетной попытке унять вновь набравшую силу головную боль. Никто в целом мире не смог бы сосчитать, сколько раз за свою жизнь ему приходилось выслушивать суеверные бредни сельских жителей, благо, что в каждой уважающей себя деревушке в любом из уголков Империи найдётся свой собственный потусторонний покровитель, почитаемый крестьянами наравне, а иногда и более навязываемого проповедниками Негаснущего Света.

– ... с тех пор так и повелось: в обмен на помощь и покровительство народ Большой Речки и ближних деревень приносит Духу Белой Скалы свои скромные дары: свежий хлеб, мясо и спелые фрукты. Но в прошлом году Дух отчего-то разгневался на нас и не пожелал вкушать оставленную для него пищу, и вот теперь мы...

– Стоп! – неожиданно громко даже для себя самого выкрикнул Малик и грохнул кружкой о стол. – Ещё раз! Повтори то, что сейчас сказал!

На какое-то время старик лишился дара речи и только смотрел на ловчего, глупо моргая выпученными, как у рыбы, глазами. Но наконец он взял себя в руки:

– Испокон веку...

– Да нет! Не надо с самого начала! – поспешил прервать его Малик. – Ты сказал, что в этом году ваш дух не притронулся к дарам, а раньше как было?

– Сметал всё подчистую, – ответил за взрослых Джуд, – даже косточек от фруктов не оставалось!

– А почему вы уверены, что еду не воровал кто-то из своих или из этих... чернополыцев, например?

– Но это никак невозможно, господин! – тут же возразил ему старик. – Всю ночь мы проводим у подножия скалы, окружив её со всех сторон – никому из плоти и крови не удалось бы пройти мимо нас.

Что ж, это было краткое, но вполне убедительное объяснение, однако, даже признав возможную правоту старика, Малик ещё долго пристально рассматривал четверых путников, время от времени переводя взгляд на кружку с горьковатым тёмным напитком, уже успевшую стать его верной подругой за последние пару недель.

– Сейчас вернусь, – бросил он сквозь зубы, с трудом вылезая из-за стола, и, скинув с себя плащ, вышел во двор.

Однако прохладный осенний воздух оказался на поверку не таким уж свежим, как он ожидал. Малик слишком давно не покидал пределов убогой таверны и уже успел позабыть, что рыбой в посёлке воняет везде и всюду. А ещё ловчий вспомнил, каким ярким может быть солнечный свет, и болезненно поморщился, когда его затуманенный разум пронзила острая боль.

– Эй, постой! – крикнул он размытому тёмному пятну, от которого донёсся звук плещущейся воды, когда оно проходило мимо.

– Чего тебе? – раздался в ответ настороженный женский голосок.

Не удостоив женщину ответом, ловчий жестом попросил её опустить вёдра на землю, а как только это произошло, Малик, не дав ей опомниться, тут же подхватил одно из них и вылил себе на голову. Ледяная вода обожгла его до самых костей, заставив кровь нестись по жилам на порядок быстрее.

– Да что же ты творишь, окаянный! – тут же заверещала женщина, придя в ужас от потери целого ведра.

А ловчий тем временем по самые плечи окунулся во второе и, вцепившись руками в гладкое дерево, до последнего удерживал себя под водой. Когда же он наконец вынырнул, то можно было с уверенностью сказать, что Малик Беспалый не меньше, чем наполовину стал самим собой.

– Вот же пьянь ты канавная! Никчёмный бродяга! Ты ж мне и второе ведро испортил! Разве ж можно после тебя из него пить? Да я тебя сейчас такогрею! – не заметив случившейся перемены, пуще прежнего разошлась крикливая баба и замахнулась на ловчего коромыслом.

– Заткнись, – негромко произнёс Малик и одарил её тем самым своим взглядом, от которого некоторые малодушные иногда падали в обморок. – Ещё натаскаешь – солнце только взошло.

Баба так и замерла на месте с поднятым над головой коромыслом. Кажется, только теперь до неё дошло, кому она вздумала угрожать.

– Да, господин, как прикажете, – слегка заикаясь вымолвила она и, подхватив оба ведра, поспешила убраться восвояси.

– Вот и славно, – бросил Малик ей вслед и, всё ещё слегка пошатываясь, вернулся в таверну.

По пути вода стекала по нему в три ручья, громко хлюпала в сапогах, щекотала кожу под одеждой. Поразительно, но понадобилось всего два ветра воды и несколько мгновений, чтобы Малик Беспалый выбрался наконец из того пивного омута, в котором так неистового топил себя с тех самых пор, как перемахнул через горы.

– Ну и что именно вы хотите, чтобы я сделал? – спросил он у ожидавшей его возвращения четвёрки и с удовольствием отметил, как все они, включая и заносчивого детину, попятились при его приближении.

– Мы хотим... – неуверенно начал старик, – мы просим Вас отыскать нашего заступника и помочь нам вернуть его благоволение.

– Этого я обещать не могу, – сразу предупредил ловчий. – Может, все ваши беды действительно вскоре закончатся, а может, и нет. Но я разыщу того, кто все эти годы забирал ваши дары, и выясню, почему он побрезговал ими в прошлый раз. Идёт?

Путники быстро переглянулись, и старик коротко кивнул.

– Да.

– Хорошо. Сколько всего домов в Большой Речке?

– Восемьдесят шесть, – уверенно отозвался проповедник, но тут же добавил: – Кажется.

– И поскольку раньше все несчастья вас обходили, то, наверняка, у каждого есть своя кладовая с припасами на чёрный день, так?

– Да, господин.

– Тогда вот вам моя цена: два мешка отборного зерна – пшеницы, не ржи; один мешок гречихи – не очень её люблю; десять фунтов вяленого мяса и по одному медяку с каждого дома, и ещё три серебряных монеты с вашего прихода, проповедник, – за укрепление веры людей в Негаснущий Свет.

Последовал новый перегляд, длившийся на этот раз заметно дольше первого.

– Мы согласны, ловчий, – произнёс старик и протянул морщинистую руку.

– Во имя Света! – воскликнул проповедник, кивнув головой.

– Во имя Света, – согласился Малик и скрепил договор.

2

– Клянусь, если мне придётся провести в этом хлеву ещё хоть один день, то я за себя не отвечаю! – громогласно объявил Ник – грозного вида увалень, с самого утра маячивший перед окном. – Я серьёзно! Ещё день, и я сойду с ума, достану саблю и нашинкую этих деревенщин так мелко, что хоть суп вари!

Локи только вздохнул и даже не поднял взгляда на разгневанного товарища, но продолжил с особой тщательностью водить точильным бруском по лезвию своего любимого кинжала, ставшего уже настолько острым, что им, при желании, можно было с комфортом побриться.

– Ты то же самое и вчера говорил, – напомнил он возмущённому солдату, – и всю неделю я от тебя ничего, кроме жалоб, не слышал. Может, хоть сегодня помолчишь? И, кстати, в хлеву держат скотину, а это обычная крестьянская изба – не хуже и не лучше других.

– Воняет тут точно, как в городской конюшне! – возразил Ник, одарив Локи недобрым взглядом.

– Потому что здесь живут пятеро грязных мужиков. Можно подумать, в казарме пахнет лучше.

– Его высочество, принц Николас в казарме не ночует, – насмешливо заметил Эйвери, делавший в этот момент некое подобие утренней гимнастики, но с кинжалом в руках. – Он квартирует в городе, во дворце у одной из местных принцесс...

– А ну, заткнись, сволочь! – Ник, окончательно выведенный из себя, выпучил на насмешника глаза и побагровел так сильно, что, кажется, должен был вот-вот воспламениться. – Ещё одно слово, и я этот клинок знаешь куда тебе запишаю?!

Ну вот, опять... Сказать по правде, Локи уже до смерти устал разнимать этих двоих, но в противном случае они давно бы уже поубивали друг друга. Например, сейчас, несмотря на то, что Ник нисколько не шутил, Эйвери его не только не испугался, но напротив – уже приготовился выдать очередную едкую остроту.

– Прекратите вы – оба! – прикрикнул на них Локи. – Эйвери, танцуй со своей любимой молча, а ты, Ник, перестань торчать у окна с утра до ночи – тебя и так уже дети боятся!

В ответ на выговор Эйвери лишь пожал плечами и продолжил своё занятие, но Ник хоть и поостыл немного, не был ещё готов взять себя в руки и от окна быстрым шагом направился к двери.

– Куда собрался? – спросил Локи, который как раз спрятал кинжал в ножны и потянулся за саблей.

– Воздухом подышать! Что, тоже нельзя?

– Дождись Бруно с дежурства – сегодня твоя очередь, так что ещё надышишься.

Ник громко выругался, но в кои-то веки подчинился без возражений и, сбросив на пол пояс с оружием, забрался с ногами на свою койку.

– Сволочь ты, сержант, – так и знай! Даже не рассчитывай, что в следующий раз я с тобой куда-то поеду, – сообщил он, пронзив угрюмым взглядом низкий потолок.

– За двойное жалование? – неслышно для него усмехнулся Локи. – Побежишь впереди всех!

Тут из сеней и правда послышался топот, и, протаранив дверь плечом, внутрь ввалился Бруно и сходу заголосил, мешая знакомую остальным речь с горским словечками, понятными лишь ему одному.

– Едут! – наконец выпалил он и уселся прямо на пол, тщетно пытаясь отдышаться – брать лошадей дозорным Локи также не разрешал.

Присутствующие разом встрепенулись: Эйвери стал быстро одеваться, Ник соскочил с кровати и подобрал оружие с пола, а Локи – уже одетый и вооружённый – взял со стола кувшин воды и протянул Бруно.

– Он с ними? – спросил сержант, когда дозорный напился.

– Да кто ж его знает, командир? Всадников нет, а людей в телеге с такого расстояния не сосчитать.

– Ага, если б ты ещё умел считать... – услышал сержант сзади тихий голос Эйвери, но Бруно, к счастью, ничего не заметил.

– Ладно, всем приготовиться! Ловкач! Просыпайся, мать твою, старый лежебока! Тебя это тоже касается!

– Поспишь тут с вами, как же! – раздался ворчливый голос с печи, и через некоторое время наружу высунулась косматая седая голова с лицом, заросшим вопреки уставу густой щетиной того же цвета. Ловкач, прозванный так за выдающееся умение отлынивать от работы, был в отряде Локи самым опытным, а проще говоря, старым, но именно на него сержант мог положиться в первую очередь. Словно подтверждая это, Ловкач вылез наружу целиком, и оказалось, что он готов встречать гостей ничуть не хуже других.

– Когда ты успел одеться? – удивлённо спросил Эйвери, ещё не закончивший свой туалет.

– А зачем снимать форму на ночь, если никто не проверяет её вид поутру? – резонно заметил Ловкач и поспешил к окну, которое Ник уже завесил белой полупрозрачной тканью.

Ждать пришлось недолго: едва к наблюдению присоединились Эйвери и отдышавшийся, наконец, Бруно, как к дому бывшего старосты, стоявшему прямо напротив, подкатила телега, запряжённая парой здоровых, светло коричневых мулов, и с неё один за другим стали слезать седоки. Сначала, двое рыжих крестьян – отец с сыном, затем проповедник и старый дед Наим, из-за одного только суеверия недавно отказавшийся стать старостой, а следом за ними: высокий человек в сером шерстяном плаще.

– Ловчий! – намного громче, чем следовало, выпалил Ник, но только Локи собрался его осадить, как человек в плаще повернул голову и уставился прямо на них.

Ник невольно попятился под этим пронизывающим взглядом, но Локи положил ему руку на плечо и удержал на месте.

– Не дёргайся, испепели тебя Свет! – зашипел он Нику в самое ухо. – Он нас не видит. Мы же проверяли, помнишь?

Слова подействовали – Ник успокоился, и Локи отпустил своего подчинённого, а на улице тем временем навстречу к прибывшим высыпало не меньше дюжины человек – все женского пола, но оно и понятно: мужчины уже давно трудились в поле, стараясь собрать остатки скудного урожая. Совместными усилиями женщины переключили внимание ловчего на себя и почти насильно затащили его в дом.

– Ну что, пошли? – спросил Ник, к чьим достоинствам терпение не относилось.

– Подождём немного, – сказал Локи, покачав головой. – Будем придерживаться плана: сейчас ему дадут чистую воду и свежую рубаху – никто не откажется от такого подарка после долгой дороги. Так что ему придётся снять плащ, кожаный нагрудник с ножами, ну и саблю, само собой.

Тут оказалось очень кстати, что Локи, в отличие от Бруно, считать умел хорошо, и потому он сначала добрался мысленно до двухсот, а уже потом отдал приказ выступать. Двоих он оставил во дворе прямо на виду, Эйвери приказал затаиться рядом с дверью, а сам взял с собой Ловкача и вошёл в дом.

Увидев солдат с обнажённым оружием, вдова старосты сильно перепугалась, но не издала ни звука и указала на дверь слева от входа, помеченную кроме того чёрным кружком. Теперь скрытность больше не требовалась, и по знаку сержанта Ловкач пнул дверь ногой, и сам первым заскочил в комнату, а Локи шагнул за ним следом.

Ловчий стоял к ним лицом и держал в руках белую рубаху: как видно, его прервали как раз в тот момент, когда он собирался натянуть её через голову. Локи заметил, как напряглись мышцы на его испещрённом шрамами теле, а сам ловчий напомнил ему изготовившегося к атаке хищного зверя. Но прежде чем что-то предпринять, тот бросил сначала беглый взгляд

на ворвавшихся солдат, оценив расстояние до двери, потом перевёл его на своё оружие, сложенное на лавке в семи футах слева от него, и снова посмотрел на неожиданных гостей – уже намного внимательнее.

– Чтоб мне ослепнуть... – проворчал он больше от усталости, чем злости. – Вы ещё кто?

– Посланники барона Керсера, – представился Локи. – У нас приказ доставить тебя к его милости для разговора.

В ответ ловчий хитро сощурился, и в этом внимательном взгляде Локи прочёл неподдельный интерес, однако больше на его немного вытянутом лице не дрогнул ни один мускул, да и с ответом он не спешил. Прежде ловчий надел рубаху, спрятал за ворот странного вида оберег, оправился, провёл рукой по светло серым волосам, смахнув на пол остатки влаги и, подойдя к окну, приподнял край чёрной занавеси.

– Так вот, значит, зачем они такого цвета, – сказал он, увидев снаружи ещё двух солдат, – а я подумал – траур. Умно придумано, сержант, вот только я никак не пойму: с каких это пор правитель Ярвика хозяйничает на землях Остенграда?

– С тех самых, как женился на вдове барона и стал регентом при его сыне.

– Ларс женился?! – воскликнул вдруг ловчий, потеряв на мгновение прежнюю невозмутимость. Локи же так опешил от подобной фамильярности, что смог только кивнуть в ответ. Ловкач его, конечно, предупреждал, что Малик Беспалый когда-то жил в баронском замке, но не уточнил в каком качестве.

– Однако не похоже, что вы прибыли с приглашением на свадьбу, пусть и слегка с запоздалым, – продолжил тем временем ловчий, быстро взяв себя в руки. – Что же тогда его милости от меня нужно?

– Это ты узнаешь при встрече.

– Только в том случае, если я с вами пойду.

«Ну вот он всё и испортил!» – разочарованно подумал Локи, которому незнакомец уже начал внушать определённое уважение. Сержанту понравились его выдержка и самообладание, но теперь получалось, что эту уверенность в себе следовало считать или глупостью, или пустым бахвальством.

– Нас четверо: все вооружены и прекрасно обучены, а ты – один, практически гол и беззащитен, – тем не менее терпеливо объяснил ему Локи положение дел. – Как же ты планируешь сопротивляться?

Острые скулы ловчего, заросшие густой щетиной, разошлись в плотоядной ухмылке, а в глазах заиграли весёлые огоньки.

– Неплохая попытка, но вас пятеро, сержант. Скажи своему человеку, чтобы в следующий раз следил за собственной тенью.

Локи с досады закусил губу, но злиться ему стоило на себя, а не на Эйвери – он сам в первую очередь должен был подумать про треклятое солнце!

– Впрочем, это дела не меняет, – продолжил ловчий, видя его смущение. – У вас есть пять острых сабель и, наверняка, целая уйма ножей, которыми, как ты верно заметил, вы отлично умеете пользоваться, но только я сильно сомневаюсь, что вам дозволено применять всё это богатство на деле. Я прав?

Да, во имя Света, он был прав! Локи было строго настрого запрещено пускать кровь ловчему без двух мизинцев, так что он рассчитывал запугать его, используя численное превосходство, но не мог же сержант знать, что этот бродяга вот так запросто называет его повелителя по имени!

– Ты должен был взять с собой самых рослых, вооружить их одними только верёвками, и тогда вы смогли бы скрутить меня, не причинив особого вреда, а теперь... – ловчий безо всяких предосторожностей подошёл к лавке и стал неторопливо одеваться, а заодно и вооружаться. – А теперь, – повторил он скучающим голосом, – придётся тебе придумать очень вескую причину

для моего визита в Ярвик, потому что, по правде говоря, видеться с твоим господином я не хочу.

– Эх, предупреждал я тебя, командир, что ничего не выйдет, – вставил тут же Ловкач и спрятал саблю в ножны. Немного помедлив, Локи последовал его примеру. – Нужно было сразу сделать, как велел его милость.

– Поговори мне ещё! – рявкнул на старого солдата Локи, не сдержав раздражения, но поскольку никому из присутствующих не было никакого дела до его уязвлённой гордости, сержанту оставалось только смириться с поражением и выполнить свой долг. – Его милость сказал, что если ты откажешься ехать по-хорошему, то я должен передать тебе вот это, – сообщил он и извлёк из потайного кармана золотой перстень с кровавым камнем в резной оправе.

Трудно сказать, какую реакцию ожидал увидеть Локи, но точно не думал, что, едва заметив драгоценность, ловчий вцепиться в рукоять своей сабли и вытащит её из ножен на целую ладонь. Но, как ни странно, Локи в тот миг совсем не испугался – движение ловчего, очевидно, было направлено не против него, но вызвано каким-то не самым приятным воспоминанием. И, подтверждая эту догадку, ловчий вскоре овладел собой, и его клинок снова очутился в ножнах. Тогда Локи подошёл ближе и положил перстень на край стола – посредине между кувшином молока и краюхой хлеба.

Ловчий еле заметно кивнул и произнёс слегка севшим голосом:

– Ладно, ваша взяла – седлайте лошадей.

3

Родовое знамя благородных баронов Керсеров величественно реяло на воротах замка, красиво развеваясь на осеннем ветру. Угольно-чёрный прямоугольник, перечёркнутый летящей золотой стрелой.

«Сквозь тьму!» – тут же припомнил Малик девиз правителей Ярвика, впервые услышанный им ещё в далёком детстве. В самом же городе он не был уже лет пять или шесть и теперь дивился тому, насколько тише и малолюднее тот стал и даже как будто уменьшился в размерах. Впрочем, эти его чувства, наверняка, не более чем самообман, вызванный тем, что хорошие воспоминания остаются в нашей памяти в весьма приукрашенном виде, а тишина кроме того легко объяснялась поздним часом и новой войной, что готовилась уже нагрянуть в эти земли.

В любом случае, именно полупустые улицы были причиной тому, что дорога от городских до замковых ворот заняла не больше четверти часа. Однако на этом их продвижение застопорилось, и возникли непредвиденные трудности: у сержанта, по прибытию в город ставшего для Малика единственным сопровождающим, имелась входная грамота, скреплённая личной печатью барона, но хмурого караульного в начищенной до блеска кирасе всё равно что-то не устраивало. Малик был уверен, что причина его придинок проста: в Ярвике защитники замка и городская стража почти открыто враждовали между собой. Как давно это началось, и что послужило причиной раздора, никто уже, конечно, не помнил, но традиция соблюдалась неукоснительно.

Выслушав от караульного несколько не самых лестных замечаний в адрес своих товарищей и себя лично, сержант буквально позеленел от злости и, кажется, был готов в любой момент броситься в драку, обнажив клинок. Ловчий же просто наслаждался вечерней прохладой и старался не думать о своём оружии, так как саблю из булатной стали, всю коллекцию метательных ножей и даже заплечный мешок с редчайшими зельями ему пришлось оставить в караульной. Нет, он, разумеется, предупредил тамошних обитателей, что трогать его вещи без спросу – очень плохая идея для тех из них, кто планирует ещё когда-нибудь занять детей, но всё равно не был до конца уверен в их сохранности.

– Ну ладно – всё вроде бы в порядке, – объявил наконец стражник и вернул грамоту взбешённому им же сержанту, а потом переключил своё внимание на ловчего: – Так... А ты кто? Сними капюшон и предъяви документы!

Малик выполнил первое его требование, но на большее терпения ловчего уже не хватило:

– Для начала, – произнёс он и сделал шаг вперёд, чтобы факелы осветили его лицо полностью, – я посоветовал бы тебе, Уолт, убрать эту наглую, самодовольную ухмылку со своей безобразной рожи, а затем отыскать в вашем гадюшнике какого-нибудь другого недоумка, умеющего читать хотя бы по складам. Пускай он просмотрит грамоту ещё раз, и тогда ты, без сомнений, получишь ответ на свой вопрос.

Уже заканчивая речь, Малик пожалел, что не сдержался, да и к тому же подумал, что малость перегнул палку: улыбка стражника и правда исчезла, сменившись злобной гримасой, а и без того большие глаза практически вылезли из орбит. Сержант же и вовсе стоял словно громом поражённый и лишь очень тихо нашёптывал себе под нос какие-то ругательства.

– Беспалый! – взревел вдруг Уолт, и лицо его тут же приняло самое добродушное выражение. – Сдохнуть мне во тьме! Это правда ты?!

– Оставим расспросы на потом, ладно? Где сейчас твой господин?

– Его милость в Малом чертоге – заканчивает приём, – объяснил караульный и немедленно отодвинулся в сторону, освободив проход.

– Отлично, – сказал Малик, совсем не обрадованный услышанным, и, повернувшись к сержанту, добавил: – Дорогу я помню, дойду один.

Как он и думал, Уолт немедленно воспользовался предоставленной возможностью и перегородил своему недругу путь, едва ловчий оказался внутри. Пожалуй, Малику так поступать не следовало – во всяком случае, сержант подобного обращения ничем не заслужил. Даже напротив – его честность и прямота в известной степени нравились ловчему, но он и позволил себе эту маленькую месть как раз за тем, чтобы более не держать зла на человека, притащившего его сюда против воли.

Дорогу же Малик и правда знал так хорошо, что смог бы пройти по ней с закрытыми глазами: сначала через круглый барбакан до вторых ворот под неусыпными взглядами караульных, следивших за ним с вершины зубчатых стен; затем налево и вверх по склону – мимо двух стрелковых башен и тренировочного поля, где даже с наступлением сумерек мечи продолжали наигрывать любимую мелодию Старого Йена. Грозного капитана гвардии называли так ещё до того, как Малик впервые оказался в баронском замке, и с тех пор Йен мало изменился – только ещё сильнее постарел, но, судя по всему, всё также изо дня в день, в любую погоду, от рассвета и до самой ночи – при свете факелов – он без устали и не зная пощады натаскивает вверенных ему людей, превращая недавних землекопов в первоклассных солдат. Малик даже кивнул старому вояке, поймав на себе его жёсткий взгляд, но не надеялся, впрочем, что тот узнает его в полутьме.

Ловчий был почти на месте: осталось только взбежать по каменным ступеням и зайти внутрь Малого чертога, где вот уже целое десятилетие вёл приём и вершил правосудие благородный барон Ларс Керсер – надежда и опора всего запада Империи. Собственно говоря, время просителей как раз подошло к концу, и песок в больших часах, установленных в просторном холле, весь без остатка ссыпался в нижний сосуд, а смотритель не собирался более переворачивать их. Но выборные горожане, деревенские старосты, помещики и купцы ещё толпились возле резных дверей, надеясь на чудо. Впрочем, стражники уже начали оттеснять их к выходу, дав тем самым понять, что они-то в чудеса не верят. Не желая быть затоптанным, Малик остановился чуть поодаль от толпы сегодняшних неудачников и громовым голосом, перекрикивая ор двадцати глоток, объявил:

– Я – Малик Беспалый, имперский ловчий, барон ожидает меня!

Гомон мгновенно стих. Присутствующие все как один повернулись к ловчему, а потом отпрянули кто куда, когда тот пошёл напролом. Двери тоже распахнулись будто сами собой, и Малик предстал наконец перед повелителем Ярвика и Остенграда, а за одно и свитой обоих дворов.

Центральный зал, в котором они собрались, имел в плане форму овала (двадцать ярдов в длину и примерно семь в ширину), был перекрыт высоким деревянным сводом и устлан сплошным ковром из серо-голубого мрамора, добытого в знаменитых на весь мир Гранвальских рудниках. Малик также помнил, что эти мраморные плиты очень красиво переливаются в лучах солнечного света, когда тот заливает чертог, проникая внутрь через дюжину высоких, узких окон, но сейчас насладиться этим зрелищем он не мог. Судя по всему, сегодняшний приём порядком затянулся, и восполнить недостаток света с наступлением сумерек были призваны десятки свечей, расставленных небольшими группами вдоль наружных стен. Однако их тусклые огоньки не слишком хорошо справлялись с этой задачей. Даже наоборот: колеблющееся пламя лишь подчёркивало приближение ночи, а висевшие по всему залу весёлые охотничьи гобелены превращало в сцены кровавых убийств и жестоких пыток. Да и сам хозяин замка, восседавший на дубовом троне, поставленном для пущего эффекта на высокий помост, казался скорее вытесанным из камня божественным идолом, нежели простым смертным, а белый камзол, украшенный серебряной вышивкой, только усиливал эффект. Баронесса была одета ему под стать и даже богаче мужа – из-за большого числа драгоценных камней, сверкавших на руках, шее и в волосах благородной дамы. Однако этот блеск вряд ли мог кого-то обмануть: например, Малику хватило одного взгляда на эту пару, чтобы понять, что его давний друг женился не из-за великой любви. Более того, зная склонность барона к драматическим эффектам, ловчий не сомневался, что и толпа придворных, заполнившая Малый чертог, на самом деле собралась не ради мелких, никому неинтересных забот и чаяний простого люда, но исключительно для его – Малика – глаз.

«Смотри, как я силен и могуч и прекрасно справляюсь и без твоей помощи!» – таков, Ларс, твой посыл? Что ж, я могу и подыграть, если хочешь».

– Ваша милость! – воскликнул Малик, подойдя к помосту почти вплотную, и склонился в глубоком поклоне. – Да охранит Негаснувший Свет Вас и Вашу семью на долгие лета, да защитит от тлетворного влияния Ночи! Для меня великая честь явиться сюда по Вашему зову, но боюсь, что мой скорбный ум не в состоянии постичь, что может желать столь благородный муж от такого безродного бродяги как я...

По правде сказать, Малик не выдумывал на ходу – он готовил свою речь целый день и сейчас с удовлетворением отметил, что не зря морочил себе голову. После его выступления в зале воцарилась гробовая тишина, а воздухе почувствовалось такое напряжение, что, того и гляди, молнии начнут бить.

– Все вон, – внешне спокойно отдал приказ барон, но Малик ясно различил в его голосе свистящие нотки, означавшие, что Ларс едва сдерживает гнев. Заметили это и придворные, а потому тут же поспешили скрыться. Последней зал покинула баронесса, до самого конца не сводившая с ловчего взгляда, и так и не поняв, похоже, что всё это значит.

– Очень смешно, Малик! – объявил барон, когда они остались одни. – Тебе бы на ярмарках выступать!

Гнева в его словах уже не было – лишь лёгкое раздражение и недовольство. Сбросив с себя не меньше половины бывшего величия и высокомерия, Ларс поднялся на ноги и с наслаждением потянулся. Ловчего, кстати, всегда удивляло, как это можно часами сидеть на одном месте, не меняя позы, тем более что барон был высок, широкоплеч и, как видно, продолжал поддерживать себя в прекрасной физической форме. Лишь одна серьёзная перемена в его облике бросилась Малику в глаза: разменяв четвёртый десяток, Ларс вдобавок к длинным рыжим волосам начал отращивать ещё и бороду, но пока не слишком в этом преуспел. Слегка размявшись, барон медленно, словно заново учась ходить, прошёл к большому окну, из которого открывался прекрасный вид на вечерний город.

– Теперь-то станешь говорить нормально? – спросил он уже совсем обычным своим голосом.

– Как скажешь, Ларс, – согласился Малик и, забравшись на помост, занял опустевшее место – только тогда он понял, как сильно устал. – Зачем я здесь?

Ларс хмыкнул.

– Это же ясно – я хочу тебя нанять. Скажи лучше, где ты пропадал с начала года? Даже мои соглядатаи тебя упустили.

– То там, то сям, господин. Но в основном на юге, за Чёрной грядой. Распробовал тамошнее вино – весьма не дурно!

– И женщин, я полагаю, – бросил барон, не оборачиваясь, фразу, совсем не похожую на вопрос.

Малик обозвал себя неуклюжим идиотом и торопливо спрятал амулет, видимо, вылетевший из-под рубахи при раболепном поклоне.

– Зачем я здесь? – повторил он уже менее дружелюбно.

Барон ответил не сразу, а перед тем принялся барабанить пальцами по стеклу – походный марш, кажется.

– Эстпорт пал, – сообщил он, наконец, так, как и должен был – тоном человека, для которого это значило крушение всех надежд. – Захвачен в ходе двойного штурма – с моря и с суши.

– Ну что ж, тогда недели через три, в крайнем случае, месяц светлейший князь Бортия возьмёт Хенсград в осаду и до конца зимы принудит барона Ольморга сдаться, и путь на столицу будет для него открыт. И если к тому времени Лига баронов не придёт к согласию, то вашей марионетке ни за что не усидеть на троне.

Малик старался говорить подчёркнуто бесстрастно, кроме того всем своим видом показывая, что ему плевать, кто носит титул императора сегодня, и кто станет называться так на следующий день.

– Согласия нет и не будет, – заявил Ларс, как видно, твёрдо в этом уверенный. – Особенно сейчас, когда я лишился поддержки правителя Остенграда. Я знаю, что ты скажешь! – добавил он в тот самый момент, когда Малик и правда уже открыл рот, собираясь его перебить. – У меня теперь его земли, деньги и люди, но он сам просил об этом на смертном одре! Вот только его влияние умерло вместе с ним, и мне не по силам справиться со всем в одиночку. Крысы уже побежали с тонущего корабля, и это лишь начало... Ведь может так случиться, что после похода на столицу наш новый правитель именно Ярвик почтит своим первым визитом...

Сказано это было так трагично, что Малик почти проникся чужой бедой, но ловчий, которым он был, видел всё немного иначе:

– Я не приму заказ на убийство претендента...

– Что? То есть, по-твоему, я спятил?! – вскричал вдруг барон и резко обернулся, метнув в ловчего взглядом две голубые молнии. – Или отчаялся настолько, что стал творить невесть что?! Нет, не беспокойся, Беспалый! Свой город, своих подданных я сумею защитить и без твоей помощи! У меня хватит благоразумия упасть на колени и поклясться в вечной верности новому господину – отделаюсь крупным пожертвованием в пользу короны, а также потерей некоторых земель и привилегий. Но старый барон Ольмог не такой как я: он не рос на чужбине, не водил дружбу с простолюдином, и он упрямее осла в вопросах чести. Барон скорее утопит в крови и своих, и чужих, чем сдастся на милость победителя! И потому не станет претендент торчать под стенами Хенсграда до самой весны – город будет взят штурмом!

– При всём уважении к военному гению князя, – несколько не смутившись, заметил Малик, – сделать это будет очень непросто. Бывал я в Хенсграде и не раз: стены там двенадцать футов в толщину и сорок – в высоту, одиннадцать башен, размером с твой замок каждая, и жители – все, от мала до велика, умеют держать в руках меч – ваши бесконечные распри называются. Понадобится чудо, чтобы взять такой город, не лишившись всей армии!

– Чудо? – громко усмехнулся барон и скрестил руки на могучей груди. – Три громогласа подойдут?

Сначала Малик решил, что это была шутка, пускай и не смешная, но барон не улыбался, напротив – он походил сейчас скорее на палача, чем на отпрыска благородной фамилии, и таким мрачным был его вид, что вместо смеха из горла ловчего вырвался лишь слабый хрип. Он огляделся по сторонам, ища глазами, чем бы промочить горло, но, не найдя ничего подходящего, был вынужден просто откашляться.

– Что за чушь Вы несёте, ваша милость?

– Это чистая правда, Малик, – заверил его барон. – Мой лазутчик лично видел, как их грузили в огромных клетках на корабль в Радужной гавани, а потом он в сопровождении боевых галер отбыл на запад. С тех пор они должны были преодолеть большую часть пути, и через две-три недели эти твари придут в Эстпорт, а оттуда направятся напрямик в осаждённый город. После чего претенденту останется только найти брешь в стене и запустить их внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.